

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 25—37
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.2

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 25—37
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.2

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. М. Великая^{a, c}, Е. А. Князькова^{b, c}

^a Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com

^b Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

^c Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Рассматриваются особенности презентации репродуктивных прав женщин в политическом дискурсе современной России. На основе проведенного качественного и количественного контент-анализа, фрейм-анализа текстов выступлений политических лидеров и программ политических партий, участвовавших в федеральных выборах в 2016 г., выявляются основные фреймы, в рамках которых происходит маркирование гендерных проблем. Преобладание в гендерном политическом дискурсе традиционалистской, консервативной риторики подтверждает факт реализации проекта консервативного поворота, делающего акцент на различиях между полами в социальных отношениях, что ведет к гендерному неравенству. В программах политических партий женщина рассматривается главным образом как инструмент реализации государственной демографической политики, решение женских проблем в российской политике сводится к заботам о материнстве и укреплении семьи. Показано, что вытеснение проблем репродуктивного здоровья и репродуктивных прав на периферию информационного публичного пространства обостряет гендерные противоречия. Это проявляется в радикализации феминистских движений.

Ключевые слова: репродуктивные права, репродуктивное здоровье, репродуктивные стратегии, гендерное равенство, политический дискурс, политические партии.

REPRODUCTIVE WOMEN RIGHTS IN POLITICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA

N. M. Velikaya^{a, c}, E. A. Knyazkova^{b, c}

^a Institute Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, natalivelikaya@gmail.com

^b Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^c Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The article examines the specifics of reproductive rights presentation in political discourse of modern Russia and it is based on the well-handled quantitative and qualitative content-analysis and frame-analyses of collections of speeches of political leaders and official programs of political parties which participate in electoral process of 2016. The main frames are sort out where gender problems are marked. Dominating if gender political discourse traditional and conservative rhetoric confirm the fact of embodied conservative turn, which accent on differences between genders in social relationships leading to gender inequality. In political parties programs women mainly consider as the instrument of realization of state demographic policy. Solving of women problems reduces to motherhood and supporting family. It is shown that exclusion of problems of reproductive health and reproductive rights to the periphery of information public space sharpen gender oppositions which can lead to radicalization of women movements.

Key words: reproductive rights, reproductive health, reproductive strategies, gender equality, political discourse, political parties.

Введение

Тенденции демографического развития России последних лет, связанные с наметившимся после недолгого роста падением рождаемости, обусловлены ситуацией так называемого нового консервативного поворота. По оценкам большинства исследователей гендерной проблематики, он сопровождается воспроизводством и усилением консервативной риторики, имеющей зачастую дискриминационный характер по отношению к женщинам [Айвазова, 2017]. Это актуализирует изучение публичного и политического дискурса, связанного с проблемами гендерного равенства и теми аспектами социальной политики, которые в той или иной мере касаются решения демографических проблем. В рамках данной статьи мы предполагаем остановиться на репродуктивных стратегиях и репродуктивных правах женщин, поскольку социальные установки в этой сфере существенным образом определяют репродуктивное поведение.

Исходя из документов ООН, сексуальное и репродуктивное здоровье женщин связаны с другими правами человека, в том числе правом на здравоохранение, на неприкосновенность частной жизни, правом на образование и запретом на дискриминацию, правом на труд и социальную поддержку¹.

¹ Сексуальное и репродуктивное здоровье и права: информационная серия ООН // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Women/WRGS/Pages/Information-Series-Sexual-Reproductive-Health-Rights.aspx> (дата обращения: 29.08.2020).

Несмотря на факт подписания 189 государствами Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., принятые ими обязательства следовать изложенным там принципам, атаки на уже завоеванные права женщин только в последнее десятилетие предпринимались с известной регулярностью в самых разных странах (в том числе в Венгрии, Польше, России, США, Бразилии, Индии и др.). Это дало основание одной из исследовательниц гендерной дискриминации — А. Графф назвать данный процесс «war of gender», подчеркивая неустойчивость и конфликтогенность сферы гендерных прав и свобод, где нормы, ценности и социальные практики постоянно подвергаются пересмотру [Graff, 2016].

Особенно ярко это проявляется в публичном дискурсе, который становится полем гендерных конфликтов, обостряемых глобализационными процессами. Данные процессы меняют рынки труда, трансформируют семейные отношения и формы родительства, ведут к усложнению пространства идентичностей и формируют новые социальные практики, что, в свою очередь, расширяет набор методологических и методических исследовательских стратегий [Fonow et al., 2005].

Методы исследования

Мы сузили рамки нашего исследования до политического дискурса в силу того, что в нем с большей очевидностью можно обнаружить идеологические элементы, продвигающие интересы той или иной социальной группы [Хабермас, 2001]. Поскольку политика связана с гендерным порядком, именно политический дискурс оказывает особое влияние на формирование общественных норм и ценностей, определяющих социальные практики людей. В большей степени нас интересует, как репродуктивные права и репродуктивные стратегии женщин отражены в дискурсе лидеров мнений — политиков, общественных деятелей, лидеров партий, а также в официальных партийных документах. Наша исследовательская стратегия предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных политическими субъектами и представленных в официальных документах, заявлениях и публичных текстах. В данном случае субъектами, разворачивающими дискурс, выступают различные группы интересов, политические партии и движения, отдельные индивиды, аффилированные с ними. Основные методы исследования — качественный и количественный контент-анализ текстов, в которых осуществлялся поиск по ключевым словам «женщина», «женский», «материнство», «отцовство», «репродуктивные права», «трудовые права женщин», «гендер», «семья» (в контексте политики в отношении женщин) и их производным; фрейм-анализ текста, подразумевающий выявление наиболее значимых, выраженных в риторических практиках смыслов, связанных с репродуктивными правами, стратегиями и поведением.

Фреймы гендерного дискурса

Со времен Симоны де Бовуар большинство феминистских идеологий и социологических гендерных концепций так или иначе показывают: репродуктивные способности, сексуальность, экономическое положение женщин обуславливают их позиционирование в социальном пространстве как особых объектов, скованных границами своей телесности и социальной ситуации,

что неизбежно разворачивает дискурс в плоскость, где рассматривается иерархичность позиций мужчин и женщин, несправедливость распределения ресурсов и различия в социальных практиках.

Несмотря на отказ от полоролевого подхода в современном научном сообществе и распространение феминистских исследований, которые акцентируют внимание на объяснении гендерного неравенства и возможностях его преодоления, общественное сознание и публичный, в том числе политический, дискурс демонстрируют приоритет традиционных подходов к анализу положения женщин в обществе.

Заметим, что гендерный дискурс в современной Европе, США, Латинской Америке приобрел весьма конфликтные формы и получил название «women's empowerment» — наделение женщин властью и защита их прав. Ведущие издания и популярные политики затрагивают широкий круг проблем, с которыми сталкиваются женщины, даже те проблемы, которые в нашей стране кажутся незначительными.

В России «женский вопрос» если и является предметом обсуждения для различных общественных объединений и политических сил, то носит скорее периферийный характер. Субъектами этого дискурса являются не столько референтные политические фигуры и значимые публичные политики, сколько представители разнообразных общественных организаций и движений как феминистской, так и антифеминистской направленности, что придает гендерной проблематике вторичный, периферийный характер.

По мнению большинства отечественных исследователей «женского вопроса», гендерное равенство, не успев реализоваться в России ни в институциональном, ни в культурном форматах, превратилось в политический инструмент для реализации проекта консервативного поворота (см.: [Великая, Овчарова, 2018]), что проявляется в воспроизводстве и популяризации традиционалистского, неоконсервативного дискурса, предписывающего женщине второстепенные роли в обществе и определенные правила репродуктивного поведения. На смену закрепленной в Конституции РФ норме равных прав и свобод для женщин и мужчин «пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов, т. е. биологическим детерминизмом и эссенциализмом» [Айвазова, 2017: 4], что в сфере политики сопровождалось отказом от рассмотрения законопроекта о женском равенстве, запуском антиабортной кампании, декриминализацией побоев и др.

Следуя логике Дж. Скотт, мы интерпретируем гендер как составной элемент различий между полами в социальных отношениях, который включает первичные отношения власти [Скотт, 2017: 157]. При этом выбранный формат гендерного дискурса позволяет как снять напряженность неравных гендерных отношений, так и сформировать гендерную асимметрию, маскируя дискриминацию под различие [Великая, Овчарова, 2018].

Необходимо заметить, что в современном публичном политическом пространстве наблюдается очевидное отрицание проблем гендерного характера, что зачастую ведет к сознательной политике маргинализации темы женского неравенства и реализации прав женщин.

Вообще депутатский корпус, лидеры партийных фракций в Государственной думе если и высказываются на тему женского равенства, то весьма ограниченно. Проанализированный корпус текстов, который включал в себя 117 выступлений депутатов политических партий, представленных в Государственной думе два последних электоральных цикла, продемонстрировал, что, как правило, о женщинах вспоминают по трем поводам.

Первый, что весьма предсказуемо, — 8 Марта, когда упоминания женщин и женских прав ограничиваются пафосными поздравлениями, комплиментарными высказываниями о их исключительных внешних и душевных качествах, трудолюбии и жертвенности и историческими реминисценциями о том, как женщины сражались на фронтах, строили экономику и воспитывали детей. Во втором случае о женщинах как о социальных субъектах вспоминают в связи с демографическими проблемами и необходимостью их решения. В третьем — это реакция на информационные поводы в СМИ, вызывающие общественный резонанс, которые связаны с обсуждением проблем семейного насилия и текущих уголовных дел в этой сфере, харассмента, рейтингов гендерного неравенства и художественного акционизма радикальных феминисток.

Первый фрейм, который мы выделили при анализе текстов выступлений, можно условно назвать снисходительно-покровительственным, где как раз и доминируют мизогинные высказывания и фактически отрицается принцип гендерного равенства. К примеру, не вызвало большого резонанса высказывание одного из депутатов Государственной думы — А. Тарнавского: «Жалею их и отношусь по-человечески. В них я в первую очередь вижу слабый пол, а не депутатов». Далее парламентарий объясняет, что миссия женщин — «быть в семье, рожать детей, ходить по магазинам и тому подобное»². Именно в рамках этого дискурса женщинам отказывают в праве на профессиональный рост, на занятие политической деятельностью, здесь сосредоточены позиции, оправдывающие запреты на ряд профессий для женщин.

В отечественном поле политики, особенно на официальных площадках, основными спикерами по гендерным проблемам являются женщины. При этом именно они становятся флагами наступления на женские права в репродуктивной сфере [Великая, 2018].

Так, против политики гендерного равенства неоднократно выступала И. Яровая, заместитель председателя Государственной думы. Она отмечала, что «сейчас бороться за (гендерное) равенство — значит отказаться от своих привилегий», под которыми депутат понимает «вежливость, деликатность, заботу, внимание, комплиментарность»³.

Примитивизация роли женщины и закрепление за ней только функции, связанной с деторождением и воспитанием детей, остается доминирующей в существующих рамках дискурсивных стратегий представителей законодательного корпуса, что, несомненно, влияет и на результаты законотворческого процесса. Важно напомнить, что в последние годы в Государственной думе

² Цит. по: Ушакова Д. Дамы с мандатом. Как живет женщина в большой политике. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/10/woman/> (дата обращения: 29.08.2020).

³ Ирина Яровая выступила против гендерного равенства // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4743629> (дата обращения: 29.08.2020).

обсуждались законопроекты, которые в случае их принятия фактически привели бы к ущемлению прав женщин, прежде всего репродуктивных: были попытки ограничить доступ к бесплатным медицинским абортam, социальная поддержка женщин с детьми потихоньку растет, но остается несущественной; высокотехнологическая медицинская помощь для детей (особенно из регионов) зачастую остается недоступной и подразумевает ее платный характер. Уязвимость женщины с детьми на рынке труда и более низкий уровень его оплаты также не способствуют резкой смене репродуктивных стратегий, которые могли бы существенно поднять уровень рождаемости.

Второй фрейм, который мы выявили в выступлениях политических лидеров, — демографическо-социальный. В нем женщины если и упоминаются, то не в контексте реализации их прав, а либо как главный инструмент повышения рождаемости, либо как потребитель социальных пособий и выплат. Так, весьма показательна здесь одно из выступлений лидера КПРФ Г. Зюганова, который, критикуя политику правительства, говорит о вымирании русского народа, о низком уровне рождаемости и высоком уровне смертности и предлагает определенные дополнительные меры стимулирования роста населения. При этом на протяжении всего выступления слово «женщина» употребляется только один раз — при сравнении уровня мужской и женской смертности⁴.

Самым активным спикером по вопросам демографии среди руководителей парламентских фракций является С. Миронов, который, озвучивая в 2019 г. разработанный партией комплекс мер по повышению рождаемости, предложил ввести дополнительные денежные выплаты для студенческих семей с детьми и беременных женщин; расширить социальные гарантии для малоимущих семей и семей, где воспитываются дети с инвалидностью, кратно повысить единовременные выплаты при рождении первого ребенка, освободить малообеспеченные многодетные семьи от имущественного и транспортного налога⁵.

Надо сказать, что рецепты повышения рождаемости и решения демографической проблемы часто принимают гротескные формы. Так, хорошо известны идеи В. Жириновского о необходимости введения многоженства в России, которые последний раз были озвучены с думской трибуны в ходе круглого стола на тему «Традиционные ценности и правовые гарантии их обеспечения»⁶. Не менее популярны и предложения отказаться от образования девочек в пользу деторождения. В этом отношении отличились и председатель Союза женщин и бывший депутат Госдумы пяти созывов Е. Лахова, и многочисленные представители Церкви, и бывший уполномоченный по правам ребенка П. Астахов, поддержавший браки с несовершеннолетними девушками, и уже упоминавшаяся И. Яровая, которая выступила против сексуального образования детей, что фактически противоречит ст. 16 п. Е Конвенции о ликвидации всех форм

⁴ Зюганов Г. А. Система вымирания... // Официальный сайт КПРФ. URL: https://kprf.ru/rus_soc/56296.html (дата обращения: 29.08.2020).

⁵ Миронов С. Для улучшения демографии необходимы масштабные комплексные меры // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». URL: <https://spravedlivo.ru/9693110> (дата обращения: 29.08.2020).

⁶ Жириновский призвал ввести в России многоженство // Официальный сайт РИА «Новости». 2019. 21 октября. URL: <https://ria.ru/20191021/1560042261.html> (дата обращения: 29.08.2020).

дискриминации в отношении женщин, где предусмотрено в числе прочего сексуальное образование и просвещение, которые увязываются с сохранением репродуктивного здоровья женщин.

Третий фрейм — агрессивно-женоненавистнический, в нем выступления в защиту прав женщин, в том числе репродуктивных, воспринимаются как вредоносные и неактуальные. Тиражируется точка зрения, что борьба за равноправие нелепа, она противоречит здравому смыслу и физиологии, приносит женщинам вред и даже усиливает их безудержную эксплуатацию⁷.

В четвертом фрейме женщина рассматривается как жертва насилия со стороны мужчин и жертва социальных обстоятельств, объект агрессии и мизогинии. Однако в официальном политическом дискурсе этот фрейм почти не представлен. Здесь, пожалуй, можно упомянуть деятельность и выступления О. Пушкиной, которая безуспешно пытается привлечь внимание общества и власти к проблемам насилия над женщинами, чтобы пересмотреть закон о декриминализации домашнего насилия, и вице-председателя Госдумы О. Епифановой, выступающей против вывода абортотерапии из системы обязательного медицинского страхования, против декриминализации статей за неуплату алиментов и замены уголовной ответственности административной за преступления небольшой тяжести⁸.

Женский вопрос в программных документах политических партий

Основным документом партии является ее программа, которая принимается на съезде партии и содержит в себе основные цели, задачи и направления работы ее членов. Мы проанализировали программы 14 партий, принимавших участие в выборах в Государственную думу в 2016 г.⁹: «Родина», «Коммунисты России», Российской партии пенсионеров за справедливость, «Единая Россия», «Зеленые», «Гражданская платформа», ЛДПР, Партии народной свободы, Партии Роста, «Гражданская сила», «Яблоко», КПРФ, «Патриоты России», «Справедливая Россия»¹⁰. В программных документах осуществлялся поиск по ключевым словам «женщина», «женский», «материнство», «гендер», «семья» и другим (в контексте политики в отношении женщин), а также их производным.

Простой количественный анализ текстов программ выявил довольно ограниченное число упоминаний женской проблематики в политических намерениях и планах партий, участвующих в избирательном процессе. Показательно, что некоторые партии вообще не упоминают женщин в своих программах.

⁷ Виноградов П. Защитить женщин от феминизма // Невское время. 2015. 29 апреля. URL: <https://nvspb.ru/2015/04/29/zashchitit-jenshchin-ot-feminizma-57535> (дата обращения: 29.08.2020).

⁸ Епифанова О. Н. Идеи, рожденные в обществе, приобретают формат государственных решений // ИНФОРМ-24: информационно-аналитический портал. 2015. 26 ноября. URL: <https://inform-24.com/7009-olga-epifanova-idei-rozhdennye-v-obschestve-priobretayut-format-gosudarstvennyh-resheniy.html> (дата обращения: 29.08.2020).

⁹ Центральная избирательная комиссия РФ. М., 2018. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100067795849®ion=0&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения: 02.06.2018).

¹⁰ Программы всех партий представлены на официальном портале Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/taxonomy/term/196> (дата обращения: 29.08.2020).

Основным объектом социальной поддержки, максимально нуждающимся в помощи государства, является семья (всего 104 упоминания), в том числе традиционная семья (5), многодетная семья (17), молодая семья (7). Женщины упоминаются в программе значительно чаще, чем мужчины (25 против 16), матери чаще, чем отцы (12 против 7) (табл. 1).

Таблица 1

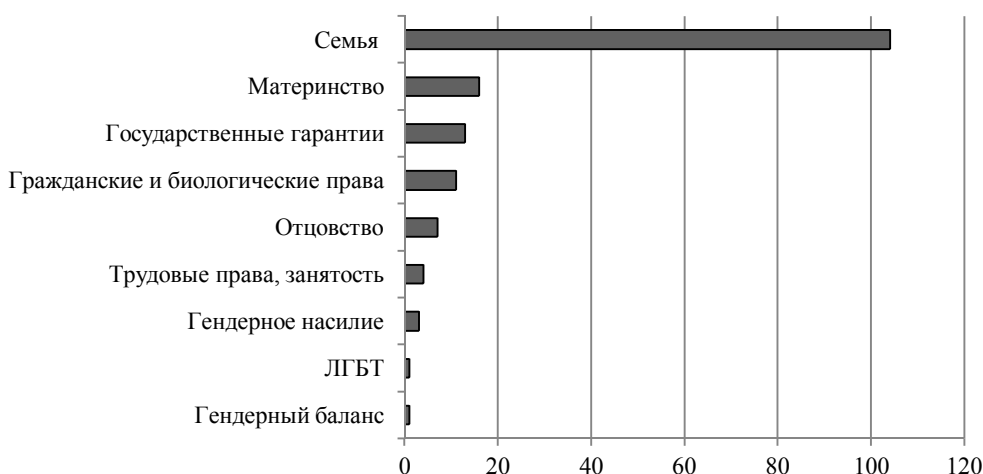
Смысловые блоки, связанные с демографической и семейной политикой

Тематический кластер	Количество упоминаний
Женщина, женское	25
Мужчина, мужской	16
Семья	76
Молодая семья	7
Многодетная семья	17
Субсидии для молодых и многодетных семей («Справедливая Россия»)	1
Родительство/материнство, мать/отцовство, отец	1/12/7
Пособие при рождении, по уходу за ребенком	2
Социальная поддержка одиноких родителей (матерей и отцов) («Родина»)	1
Усыновление (патронатные семьи)	1
Браки/разводы	3/3
Алименты	2
Аборт, прерывание беременности	4
Порнография	2
Традиционные семейные ценности	2
Детский сад	7
Равные права для мужчин и женщин («Яблоко»)	1
Насилие в отношении женщин	1
Работающие женщины, трудовые права и гарантии женщин	4

Объединение часто встречающихся упоминаний позволяет визуализировать объем каждого тематического кластера (рис.). С большим отрывом лидирует кластер «Семья», который включает в себя главным образом меры социальной поддержки семей с детьми. Что касается собственно репродуктивных прав и мер социальной поддержки, способствующих изменению репродуктивных стратегий, то они упоминаются только 11 раз в программах всех 14 партий.

Исключение здесь составляет программа партии ЛДПР, в которой акценты смещены не в пользу женщин. Согласно партийному документу, в современном российском обществе снижается значимость отца и мужчины, происходит искусственное вовлечение женщин в политическую и экономическую сферы. Поэтому ЛДПР выступает за распределение обязанностей по признаку пола:

мужчина должен быть «хозяином» и «добытчиком», а женщина «хранительницей домашнего очага». В области репродуктивного поведения ЛДПР предлагала отменить аборт на 10 лет за исключением особых случаев, снизить брачный возраст, а также разрешить вступать в новый брак без расторжения предыдущего¹¹.



Тематические кластеры, абсолютные цифры

Интересно, что проблема гражданских и репродуктивных прав женщин не включена в актуальную политическую повестку дня, несмотря на серьезные пробелы в этой сфере. Так, трудовые права женщин упоминаются лишь 4 раза, а наиболее полно они освещены в программе партии «Справедливая Россия», где, помимо требования усиления контроля за соблюдением трудовых прав женщин, говорится о сокращении продолжительности рабочего дня для женщин, имеющих детей, а также о поддержке работодателей, создающих условия для работы женщин с детьми.

Что касается репродуктивных прав, то, несмотря на довольно активное обсуждение темы абортов и выведения их из системы ОМС, она возникает в программах только 4 раза, причем доминирует здесь позиция о проведении «профилактических мероприятий по предупреждению искусственного прерывания беременности»¹². Игнорируется в политических текстах и актуальный для общественного мнения вопрос о насилии в отношении женщин: он звучит только в программах партий ЛДПР и «Справедливая Россия».

Среди анализируемых политических программ партий четыре не содержат никаких положений в отношении женщин, семьи и материнства. Это программные документы партий «Единая Россия», «Коммунисты России», «Гражданская платформа» и Партии народной свободы (табл. 2).

¹¹ Программа политической партии «ЛДПР — Либерально-демократическая партия России».

¹² Программа политической партии «Справедливая Россия».

Большинство политических партий рассматривают женщину исключительно в контексте материнства и семейных отношений. При этом конкретные предложения в области семейной политики и политики повышения рождаемости встречаются нечасто. Так, партия «Гражданская сила» предлагает «уменьшить подоходный налог с многодетных семей, осуществлять правовую поддержку патронатных семей, воспитывающих приемных детей»¹³. Партия Роста единственный раз упоминает женщин в контексте защиты гражданских прав и отхода от практики «заключения под стражу лиц, подозреваемых или обвиняемых в экономических преступлениях, а также беременных женщин и кормящих матерей, которые не представляют общественной опасности»¹⁴.

Таблица 2

Распределение смысловых категорий, связанных с демографической политикой, по количеству упоминаний в программах партий

Политическая партия	Тематические кластеры								Всего
	Материнство	Отцовство	Государственные гарантии, пособия	Семья	Гражданские и репродуктивные права	Гендерный баланс	Гендерное насилие	Трудовые права, занятость	
«Единая Россия»	4	–	3	17	2	–	–	–	26
«Гражданская платформа»	–	–	–	2	–	–	–	–	2
«Гражданская сила»	–	1	–	3	–	–	–	–	4
«Зеленые»	1	–	–	4	–	–	–	–	5
«Коммунисты России»	2	–	1	2	–	–	–	–	5
КПРФ	–	–	1	2	–	–	–	–	3
ЛДПР	–	2	1	10	6	–	2	–	21
Партия народной свободы	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Партия Роста	–	1	–	3	–	–	–	–	4
«Патриоты России»	–	–	1	13	–	–	–	–	14
«Родина»	4	2	3	6	–	–	–	2	17
Российская партия пенсионеров за справедливость	1	–	–	3	–	–	–	–	5
«Справедливая Россия»	3	1	3	35	3	–	1	2	48
«Яблоко»	1	–	–	3	–	1	–	–	5
<i>Всего</i>	16	7	13	104	11	1	3	4	

¹³ Программа Всероссийской политической партии «Гражданская сила».

¹⁴ Программа Всероссийской политической партии «Партия Роста».

Большинство же предлагаемых мер носят общий и декларативный характер. И «Единая Россия», и КПРФ, и «Справедливая Россия», будучи парламентскими партиями, предсказуемо выступают за преодоление демографического кризиса путем восстановления льгот для многодетных семей, создания сети общедоступных детских садов и жилья для молодых семей, снижения ставки ипотеки, что озвучивается и ведущими спикерами партий в публичном пространстве.

Чем меньше партия включена в реальный политический процесс на федеральном уровне, тем более популистскими выглядят предложения в области демографической политики. Так, партия «Родина» в своей программе делает упор на поддержку традиционного института семьи, желательна многодетной, а «Патриоты России» — на необходимость повсеместного и скорейшего распространения трехдетной семьи, не останавливаясь при этом на путях достижения такой цели.

Резюмируя, подчеркнем, что большинство политических партий, участвовавших в выборах, в качестве главной цели своей семейной политики видят преодоление демографического кризиса за счет стимулирования рождаемости и снижения числа абортотв.

Заключение

Гендерный консервативный дискурс в политическом пространстве современной России не коррелирует с доминирующими социальными гендерными практиками. При этом публичная риторика, апеллируя к традиционным ценностям, либо маргинализирует тему, оттесняя гендерную проблематику на периферию информационного пространства, либо носит дискриминационный характер в отношении женщин, что негативным образом сказывается на проблеме понимания и реализации гражданских и репродуктивных прав женщин.

В идеологической системе координат, представленной в политическом публичном дискурсе, преобладают ценности концепции социального консерватизма, где женщину необходимо поддерживать прежде всего в реализации ее материнских функций. Из 14 программ политических партий по меньшей мере в 10 женщина рассматриваются с точки зрения только ее биологических и детородных функций, поэтому поддержка женщин и решение их проблем сводятся к заботам о материнстве и укреплении семьи.

Навязывание ограниченных репродуктивных стратегий, в которых женское поведение конструируется на основе традиционных представлений о семье и заботе о детях, подразумевающих раннее вступление в брак и раннее материнство, не соотносится с доминирующими тенденциями актуального репродуктивного поведения в России [Чурилова, Захаров, 2019]. Более того, в ряде случаев фреймы гендерного политического дискурса противоречат реализуемой в России демографической политике, которая акцентирует внимание на улучшении медицинского обслуживания и социально-экономических условий жизнедеятельности населения.

В этом контексте консервативный поворот гендерного дискурса обусловлен не столько необходимостью задекларировать консервативные ценности россиян, сколько желанием выгодно манипулировать данной проблемой, которая скорее отвлекает граждан от осмысления более сложных и злободневных социально-политических проблем, требующих обязательного решения.

Устранение государства от выполнения роли медиатора и проводника гендерной политики негативно сказалось на содержательной и эмоциональной стороне политического гендерного дискурса. Как результат, обсуждение гендерных проблем, вытесненное из официального политического пространства, радикализуется и приобретает конфликтные формы, переходит в социальные сети, запускает гражданский протестный активизм.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Великая Н. М.* Женщины vs феминистки: парадоксы гендерного дискурса в России // *Политика развития, государство и новый порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой*. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 107—108.
- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // *Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча»*. Улан-Уде: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 29—34.
- Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. С. 142—170.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 388 с.
- Чурилова Е., Захаров С.* Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма // *Вестник общественного мнения*. 2019. № 2. С. 66—87.
- Fonow M. M., Cook J. A., Jorge J. A.* Feminist methodology: new applications in the academy and public policy // *Signs Journal of Women in Culture and Society*. 2005. Vol. 30, № 4. P. 2211—2236.
- Graff A.* «Gender ideology»: weak concepts, powerful politics // *Religion and Gender*. 2016. Vol. 6, iss. 2. P. 268—272.

References

- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi discurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in terms of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Churilova, E. Zakharov, S. (2019) Reproductivnye ustanovki naseleniia Rossii: est' li povod dlia optimizma [Reproductive attitudes of the Russian population: is there a reason for optimism], *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, no. 2, pp. 66—87.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., Jorge, J. A. (2005) Feminist methodology: new applications in the academy and public policy, *Signs Journal of Women in Culture and Society*, vol. 30, no. 4, pp. 2211—2236.
- Graff, A. (2016) “Gender ideology”: weak concepts, powerful politics, *Religion and Gender*, vol. 6, iss. 2, pp. 268—272.
- Khabermas, U. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action], St. Petersburg: Nauka.

- Skott, Dzh. (2000) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: a useful category of historical analysis], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 142—170.
- Velikaia, N. M. (2018) Zhenshchiny vs feministki: paradoksy gendernogo discursa v Rossii [Women vs feminists: paradoxes of gender discourse in Russia], in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunova, L. V., Timofeeva, L. N. (eds), *Politica razvitiia, gosudarstvo i novyi poriadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov*, Moscow: Aspekt-Press, pp. 107—108.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2018) Gendernaia ritorika na fone konservativnogo povorota v sovremennoi Rossii [Gender rhetoric in the context of a conservative turn in modern Russia], in: *Intelligentsiia i problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii sovremenного obshchestva: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Baikal'skaia vstrecha"*, Ulan-Ude: Buriatskii gosudarstvennyi universitet, pp. 29—34.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Великая Наталья Михайловна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры политической социологии и социальных технологий, декан социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com (Dr. Sc. (Political Sciences), Chief Researcher, Institute Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Dean of Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Князькова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, eapavlova@bk.ru (Cand. Sc. (Political Science), Senior Researcher Fellow, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).